

Le
PhOto-
graphie

Pierre Boulle

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Изогнувшись в пояснице, девушка откинулась назад, на подушку дивана — единственной мебели, создающей иллюзию роскоши в этой бедно обставленной комнате. Она высоко подняла колени, закинула ногу за ногу и с заметным старанием выпятила грудь, словно силилась выскочить всем своим телом из дезабилье. Потом посмотрела на фотографа взглядом угодливого ученика, ожидающего одобрения учителя.

— Так? Или немного выше?

Он, не отвечая, раздраженно пожал плечами. Девушка забеспокоилась и с живостью добавила:

— Если вы считаете, что так будет лучше, я могу совсем снять лифчик.

Марсиаль Гор, до этого смотревший на нее через видоискатель, едва сдерживая нетерпение, вдруг впал в ярость и швырнул свой аппарат на диван с такой силой, что девушка вздрогнула и вжалась в подушки.

— Может, еще и трусики снимешь? Ты что, издеваешься надо мной? Ты что, думаешь, я занимаюсь порнографией, или принимаешь себя за настоящую звезду, которая может позволять себе все что угодно?

— Мой агент рекомендовал мне...

— Твой агент болван. Кто делает снимки — он или все-таки я? Снимки, которые будят воображение, ты понимаешь? Тебя учили, что это такое — будить воображение? Это вовсе не значит, что тебе нужно раздеваться догола.

Девушка по-детски надулась. Видя, что он, все еще продолжая ругаться, приближается к ней, она прикрылась руками так, словно собиралась защититься от пощечины. Этот трогательный жест сразу смягчил гнев Марсиала Гора, и он тут же переменял тон.

— Ну вот, теперь ты плачешь! Беда с тобой! Успокойся. Будь умницей. Я же не людоед. Просто я знаю свое дело, дело, которым начал заниматься задолго до твоего рождения, понимаешь? Делай то, что я тебе говорю, и ты получишь прекрасный снимок, лучший из всех, которые ты только можешь себе представить, это я обещаю, снимок, который привлечет к тебе миллионы поклонников, будет воспроизведен во всех журналах мира и вызовет интерес у продюсеров трех или четырех континентов. Ты, наверное, впервые позируешь, не так ли? А раз так, то доверься лучше мне.

А слезы оставь на потом. Давай-ка я сам сделаю что нужно.

Он слегка одернул дезабилье, заставил девушку опустить ногу, потом, насупясь, отступил и окинул ее оценивающим взглядом.

— Вот так, наверное, пойдет. Но теперь надо ждать, пока иссякнет фонтан. Высморкайся и поправь макияж... но не переусердствуй. Нужно будить воображение, я тебе уже говорил. Все вы одинаковые.

— Я сделаю так, как вы хотите.

— И правильно.

Она сквозь слезы слабо улыбнулась и села в глубине комнаты перед шатающимся сооружением, служившим здесь туалетным столиком. Он какое-то время смотрел на нее, потом машинально провел пальцем по мебели, увидел на ней слой пыли, снова пожал плечами и стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину, иногда встречая опасливый взгляд девушки. Обеспокоенная теперь уже его молчанием, она попыталась продолжить беседу и, заметив его неуверенную походку, спросила:

— Вы хромаете? Натерли ногу?

И тут у нее все невпопад! Он чуть было не поддался новому приступу гнева, но сдержал себя и лишь горько усмехнулся:

— Да, и основательно. Посмотри.

Он приподнял штанину и показал ей протез. Она покраснела от смущения.

— Ой, простите! Извините меня. Я очень огорчена.

— Ничего. И не вздумай опять реветь. Это произошло давно.

— Несчастный случай?

— Несчастный случай, можно и так сказать. Это произошло в те времена, когда я не довольствовался фотографированием крошек вроде тебя и когда моя профессия влекла меня в опасные уголки.

Он, помрачнев, надолго замолк, а она сидела, моргая глазами, перед зеркалом. Наконец он как бы очнулся.

— Что, уже готова? Ну-ка покажись. Так, пожалуй, сойдет. Улыбнись... Но только не коровьей улыбкой, а человеческой, если можешь.

Она повиновалась. Без сопротивления приняла его грубость и «тыканье», которые были для фотографа само собой разумеющейся формой общения. В голосе его звучал легкий оттенок презрения, словно он имел дело с малолетним ребенком или, скорее, с неким животным, с молодым животным, которое еще нужно выдрессировать, дабы оно научилось играть определенную роль, не проявляя при этом неуместной инициативы.

Таким образом, между ними складывались отношения художника и натурщицы, что стало еще более очевидным в следующей сцене,

когда он употребил весь свой богатый опыт, чтобы заставить ее принять нужную позу. Он взял ее за руки, уложил на диван, сам приподнял ей ноги, властным шлепком определяя ту грань в пространстве, которую нельзя переходить, и, поправляя на ней лифчик, после нескольких попыток в конце концов добился желаемой степени открытости. В течение всех этих приготовлений он обращался с ней почти с материнской нежностью, лишь изредка, в тех случаях, когда никак не давался искомый эффект, срываясь на резкие, нетерпеливые движения.

Этот снимок, предназначенный, вероятно, для какого-нибудь кинематографического журнала, неизбежно должен был получиться до ужаса банальным, но у настоящего художника не бывает тривиальных сюжетов. Старый Турнетт, который учил Марсиаля Гора мастерству фотографа, как-то раз высказал эту мысль, а потом, словно заповедь, часто повторял ее. Гор проникся этим наставлением, а с тех пор как увечье вынудило фотографа ограничить себя подобными сюжетами, даже цеплялся за него с каким-то отчаянным упорством, словно за религиозную догму.

Для Гора с его критическим, придирчивым взглядом, с его быстрыми, ловкими пальцами юная киноактриса играла, конечно, важную роль — однако не большую, чем освещение,

диван или ваза с цветами, которую девушка пожелала поставить рядом с собой. Ни разу не отвлекло его от поставленной цели (нужная поза) то трогательное и одновременно соблазнительное зрелище, которое представляла собой лежащая на подушках полуобнаженная девушка со следами недавнего волнения на лице и явно готовая подчиняться всем его желаниям.

Он ходил взад-вперед, нахмутив брови, и все его мышцы были напряжены от постоянной озабоченности, от стремления не упустить ни единой детали, способной участвовать в создании целостного образа; он был настолько захвачен работой, что забывал о своей искусственной ноге и спотыкался о неказистый коврик. Особенно много хлопот доставила ему испытывавшая его терпение непокорная ляжка, никак не желавшая естественным образом вписаться в ансамбль. Она то притягивала к себе все лучи света, то, напротив, тонула в полумраке, постоянно внося какую-то нелепую ноту, какой-то диссонанс в гармонию, которую он пытался создать. Он бесконечно долго искал для злополучной ляжки приемлемое положение, сперва нежно манипулировал ею, а потом начал бесцеремонно выворачивать ее, отчего на глазах у девушки опять выступили слезы. Потом он на мгновение оставил ляжку в покое, но лишь для того, чтобы раздраженно

схватить непослушную грудь и грубо укротить ее выпуклость, норовившую выйти за строгие рамки искусства.

Иногда, решив, что идеальная композиция найдена, он быстро оставлял лежащее тело и настолько быстро, насколько позволяла ему его несчастная нога, подскакивал к своему аппарату, закрепленному теперь на штативе. Он смотрел на выстроенный им кадр через видоискатель, после чего, с досады ругнувшись, так же поспешно возвращался к предмету изображения, чтобы поправить какую-нибудь вдруг показавшуюся ему неточной деталь.

— Ты можешь со мной говорить, слышишь, — сказал он ворчливым тоном, видя, как она покорно соглашается со всем, что он делает, не смея раскрыть рта. Тогда ты, может быть, будешь смотреться более естественно, — добавил он сквозь зубы. — Задавай мне вопросы. Смелей, не бойся. Я уверен, тебе ведь хочется узнать, как я потерял ногу.

Уже несколько минут он пребывал в полном отчаянии из-за отсутствия осмысленного выражения в ее взгляде и сейчас ломал себе голову, подыскивая тему, которая смогла бы заполнить эту ужасающую пустоту. Ему показалось, что в тот момент, когда он сказал ей о своем ранении, в ее зрачке зажегся огонек.

— У вас была опасная профессия? — спросила она.

Во взгляде появился какой-то новый свет. Она схватила наживку. И он попытался развить тему.

— Довольно опасная. Я был, как и сейчас, моя красавица, фотографом, но только работал в другом месте.

— На войне?

— Соображаешь. От тебя ничего не утаишь...

Теперь она заинтересовалась до такой степени, что забыла о том, что находится под прицелом объектива, — цель, которой он как раз всегда пытался достичь в подобных случаях.

— ...На войне, именно так. Я участвовал даже в нескольких войнах, если хочешь знать. Вот это, — он указал на ногу, — это память о моей последней войне, об алжирской... Вот наконец тот взгляд, которого мне хочется от тебя добиться. Продолжай со мной разговаривать. Попробуй думать, слышишь, думать, я тебя умоляю. Твоя физиономия начинает становиться почти человеческой.

Он вскочил, допрыгал до аппарата и стал долго и тщательно его наводить, манипулируя кнопками.

— Вас ранило? Пуля попала?

— Несколько пуль, крошка, то, что называют очередью, если использовать технические термины. Алжирцы поджидали нас у места приземления.

— Вы были на самолете?

— Не открывай рот так, будто зеваешь... Не совсем на самолете — на парашюте... Хорошо! Совсем неплохо. Говори еще.

Он сделал первый снимок. Взвел механизм затвора и опять направил на нее видеоискатель; теперь его внимание сконцентрировалось на изгибе ее губы, казавшейся полной обещаний.

— Там было много алжирцев?

— Нет. Мы приземлились в разрушенной деревушке. Почти бесполезный подвиг. Там оставались всего три типа. Остальные убежали.

— Вы были парашютистом?

Щелк! Этот второй снимок должен был оказаться удачным. Губа принимала все более выразительный изгиб.

— Фотографом, я тебе уже сказал. Но моя профессия вынуждала меня отправляться во все горячие точки и иногда прыгать с парашютом... — Щелк! — Очень хорошо. Ты могла бы хоть немного приподнять левое колено? А то теперь ты впала в другую крайность, теперь у тебя вид школьницы, впервые в жизни надевшей подвязки для чулок. Не напрягайся и смотри на меня, не обращая внимания на объектив... Да, их оставалось трое, и вот как раз один из них нашпиговал мне пулями ногу. Но я отомстил. Я взял реванш.

Щелк!.. Вот этот внезапный огонек в ее зрачке, который он подстерегал, не смея даже